

2. Заир-Бек С.И. Развитие критического мышления на уроке: Пособие для учителя. – М.: Просвещение. – 2004. – 175 с.
3. Кларин М.В. Инновационные модели обучения в зарубежных поисках. М.: «Арена», 1994.
4. Махмутов М.И. Интеллектуальный потенциал россиян: причины ослабления // Педагогика. – 2001. - № 10. – С.91-100.
5. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: «Питер», 2000. С. 72–77.
6. Chance P., Thinking in the classroom: A survey of programs. New York: Teachers College, Columbia University, 1986.
7. Ennis R., Critical thinking: What is it? Proceeding of the Forty-Eight Annual Meeting of the Philosophy of Education Society Denver, Colorado, 1992. March. Pp. 27-30.
8. Hickey M. Reading and social studies: The critical connection. Social Education, 1990. 54. Pp. 175-179.
9. Mertes L. Thinking and writing. Middle School Journal, 1991. 22. Pp. 24-25.
10. Moore B. N., Parker R. (1994). Critical thinking (4th ed.). Mountain View, CA: Mayfield.
11. Scriven M., Paul R. Critical thinking defined, Handout given at CriticalThinking Conference, Atlanta, GA, 1992.
12. Simon H. A., Kaplan C A. (1989). In M. I. Posner (Ed.), Foundations of cognitive sciences (pp. 1 -47). Cambridge, MA: MIT Press.
13. Stahl N. N., Stahl R. J. (1991). We can agree after all! Achieving consensus for a critical thinking component of a gifted program using the Delphi Technique. Roeper Review, 14(2), 79-88.
14. Tama C. Critical thinking has a place in every classroom. Journal of Reading. 1989, 33.

А.В. Полонский

ДИСКУРС: КОРНЕВОЙ ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

«Создать мир легче, чем понять его» – к такому неутешительному выводу пришел Анатоль Франс, писатель, журналист и критик, обладавший, как известно, тонким аналитическим умом, пронизательностью и беспристрастностью ученого. Не уверен в том, что утверждение выдающегося «классика классиков» французской литературы, человека необыкновенной эрудиции, которого по праву величали «владыкой мысли», не вызывает никаких комментариев, однако несомненным представляется то, что в мире человеческой мысли есть феномены, которые постигаются не сразу, не одним порывом, а постепенно, с определенным трудом, требуя от исследователей особого внимания, особой сосредоточенности и солидарного интеллектуального усилия.

К таким феноменам относится и *дискурс* (от лат. *discere* “блуждать”; *discursus* “движение туда и обратно”, “круговорот”, “беседа”, “рассуждение”). Дискурс – целостный феномен социально-коммуникативного опыта человека, на осмысление которого направлены усилия специалистов разных сфер научного знания – философии, социологии, теории коммуникации, политологии, культурологи, семиотики, когнитивной семантики, лингвистики текста, психолингвистики, политической лингвистики, а также дискурсологии – нового, развивающегося междисциплинарного научного направления,

предметной областью которого являются как методологические и общетеоретические проблемы, связанные с природой, структурой и функционированием дискурса, так и вопросы, касающиеся типологии дискурсов и выявления их особенностей. До настоящего времени, тем не менее, дискурс не получил своего исчерпывающего и непротиворечивого истолкования. *Дискурс* как корневой феномен культуры и социальной коммуникации является предметной областью *дискурсологии* – нового научно-гуманитарного направления, нацеленного на изучение как методологических и общетеоретических проблем, связанных с онтологией, эпистемологией, аксиологией, прагматикой и морфологией дискурса, так и проблем типологизации дискурсов.

Дискурс давно осознается как особый феномен, как сложное, системное образование, как многоаспектная и многоуровневая сущность, постигаемая, говоря словами В.З. Демьянкова, разными «науками о человеческой духовности», однако в складывающейся теории дискурса пока что нет ожидаемого современной наукой концептуального созвучия [Дейк ван, 1989; Арутюнова, 1990; Кибрик, 1994; Степанов, 1995; Фуко, 1996; Ревзина, 1999; Хабермас, 2000; Серио, 2002; Алефиренко, 2002; Кубрякова, 2002; пеше, 2002; Макаров, 2003; Карасик, 2004; Филлипс Л., Йоргенсен, 2004; Демьянков, 2005; Кашкин, 2005; Прохоров, 2006; Григорьева, 2007; Полонский, 2007; Клушина, 2008; Кожемякин, 2008; Мисонжников, 2009, Приходько, 2009 и др.]. Исследователи справедливо замечают, что понятием дискурс сегодня «оперируют ученые и журналисты, деятели культуры и бизнеса. Им обозначаются весьма разноплановые феномены общественной жизни, включая виртуальные образования» [Русакова, 2006, с. 59]. Д.В. Анкин, резюмируя многообразную практику осмысления дискурса, замечает, что это «слово, конечно, красивое, иностранное, авторитетное» и каждый имеет право на его приватизацию, поэтому и стремится определить его по-своему [Анкин, 1998]. В практике подобных «приватизаций» обозначилось несколько основных направлений, обнаруживающих концептуальные пересечения дискурса с другими феноменами, такими, как язык, речь, текст, стиль, идиолект, диалог.

Информационно-семиотическое поведение человека в его многообразной практике социально-коммуникативного взаимодействия, практике информационного обмена и «постоянного обсуждения вопросов взаимной терпимости и доступа к основным ценностям жизни» [Lasswell, 1946] не бывает всегда одинаковым, однако оно имеет упорядоченный характер, соответствует определенным сценариям, схемам, моделям или паттернам, которые формируются в сознании человека в процессе освоения им многообразного опыта социально-коммуникативного взаимодействия. Выбор – форума (то есть места информационно-смыслового средоточия), формы и способа смысловой репрезентации (экспликации и импликации, автологии и металогии), темы, кода (комбинации знаков), интонации, жеста, прагматики, стратегии и т.д. – зависит от многих, как внутренних, культурно-психологических установок человека и задач, стоящих перед ним, так и внешних, социальных аспектов коммуникации.

Коммуникативно-когнитивный порядок как форма целенаправленного социального взаимодействия с целью информационного обмена не единообразен. Совокупность его значимых и устойчивых признаков, обретенных в процессе конвенционализации и кодификации социальной коммуникации, то есть в процессе коллективной разработки, согласования и систематизации принципов, регламента и норм кодирования (объективации) мысли, ее передачи и декодирования в той или иной социально-коммуникативной сфере, зависит от разных параметров [Lasswell, 1948; Niemeier, Campbell, Dirven, 1998; Рахилина, 1998; Awdiejew, 1999; Карасик, 2004]:

- особенностей субъектов (адресанта и адресата), их социально-ролевой идентификации, а также степени их зависимости и автономности, определяющей ситуацию информационно-семиотического выбора и выбора коммуникативно-поведенческой модели;

- тематики, то есть предметно-смысловой организации высказываний;
- пресуппозиций (семантических и прагматических), обеспечивающих условия истинности и уместности высказываний;
- целей, намерений и используемых стратегий;
- конситуации, включающей культурный и социально-психологический контекст, а также хронотоп (время и место) коммуникации;
- канала передачи информации.

Следует выделить и такой параметр, как *тип сознания* – особый способ видения и переживания мира, его осмысления и упорядочения, предопределяющий востребованность определенного типа знаний и принципы их передачи, стратегию противопоставления себя объекту и субъекту и взаимодействия с ними, характер формулируемых целей деятельности и способов их достижения и др. Фундаментом сознания, как известно, является мировоззрение – система взглядов на окружающую действительность и человека в ней, совокупность знаний, ценностей и норм.

«Сознание, – как говорил М. Мамардашвили, – это прежде всего сознание иного. Но не в таком смысле, что мы создаем другой предмет, а в том смысле, что человек отстранен от привычного ему, обыденного мира, в котором он находится. В этот момент человек смотрит на него как бы глазами другого мира, и он начинает казаться ему непривычным, не само собой разумеющимся. Как белке, которая соскочила бы с известного колеса и со стороны бы посмотрела на это колесо. Это и есть сознание как свидетельство. То есть, я подчеркиваю, во-первых, что есть сознание и, во-вторых, что термин “сознание” означает какую-то связь или соотношенность человека с иной реальностью поверх или через голову окружающей реальности. Назовем это условно обостренным чувством реальности. Оно связано в то же время с какой-то иномирной ностальгией.

Но, определив так сознание, я хочу далее сказать, что им выделяется какая-то точка в мире и вплетенность ее в мировые сцепления. Эта точка выделена, и тем самым она дифференциальна, различительна. То есть сознание есть одновременно и различение. Поскольку оно “появляется” только в горизонте допущения иного, постольку и выделенная точка становится не необ-

ходимой, а лишь возможной. Как одна из возможностей, которая реализовалась. Движение в сознании (или движение сознания, что одно и то же) записывается в соответствии с синтаксисом» [Мамардашвили, 1988, с. 39].

Дискурс – это и есть «запись», то есть объективация (процесс и результат) «движения» и «синтаксиса» мысли в поликодовом образовании. Нет сомнений в том, что мысль человека в процессе социально-коммуникативного взаимодействия осуществляется не хаотически: будучи предметной по своей сути, она зависит, с одной стороны, от принципов смыслового ассоциирования («притяжения» и «отталкивания»), а с другой – от способа организации коммуникативных процессов в системе социального взаимодействия.

Социально-коммуникативное пространство, как известно, включает две взаимосвязанные, однако достаточно самостоятельные сферы – публичного (общего) и индивидуально-личного (частного, частного), внутри которых осуществляется организованный по особым социальным правилам информационно-смысловой обмен.

Публичная сфера обеспечивает широкий социальный диалог, в котором взаимодействуют все заинтересованные в нем социальные субъекты (государство, институты, группы, личности) как носители социально ориентированной и целенаправленной деятельности способности, как носители определенного сознания, культуры и идеологии [Чуешов, 2004], обнаруживающихся в оценочных суждениях и характере транслируемых ими текстов, которые «разрывают», говоря словами М. Вебера, «бессмысленность бесконечности происходящих в мире событий» и обеспечивают устойчивость социальных отношений и норм. Благодаря этому создаются относительно прочные формы организации совместной жизни, называемые социальными институтами.

Социальные институты – это сложившиеся в процессе совместной целенаправленной деятельности людей устойчивые, регулируемые определенными правилами (законами, кодексами, нормами, традициями, обычаями, ритуалами) организационные формы (государство, наука, образование, искусство, религия, масс-медиа, армия и т.п.) с присущей им устойчивой совокупностью социальных способов производства и трансляции типологически однородных смыслов. Как указывал У. Гамильтон, социальные институты – это общественные обычаи, отражающие способ мышления и действий, «который стал привычкой для группы или обычаем для народа». Социальный институт имеет свою логику деятельности и развития, свою логику развертывания смысла, свою идеологию (совокупность взглядов и оценочных суждений, регулирующих характер и направление коллективных действий), свой тип рационализации, то есть способ обработки и репрезентации информации, обосновывающий целесообразность и оправданность тех или иных действий или выводов, свои критерии истинности (как, например, проверяемость, доказуемость, практика, простота, прозрачность, соответствие законам нравственности, гармонии, красоты, канону, догмату, мнению и др.), свой этикет и свою прагматику, свои правила и нормы, а также свои способы контроля за их соблюдением, систему поощрений и санкций.

На основе выработанных обществом специфических социально-коммуникативных норм и эталонов социальный институт обеспечивает устойчивое воспроизводство в стандартизированных условиях определенного типа сознания и характерного для него информационно-смыслового обмена, контролируя и регулируя характер социально-коммуникативных действий своих субъектов, а также интегрируя их устремления и интересы в общие когнитивно-идеологические и ценностные структуры. Может быть, именно эту мысль, то есть мысль о том, что субъектное, способное на волевое (произвольное) поведение «я» обусловлено социальными практиками придания смысла своим и чужим действиям [Potter, Wetherell, 1987], имел в виду известный русский поэт-постмодернист Дмитрий Пригов, признаваясь в одном из своих интервью: *«Я уже давно не человек...»*.

Публичная сфера – это социально-культурное пространство, в котором осознанно и целенаправленно взаимодействуют различные социальные субъекты с присущими им мировоззрением, многообразными потребностями, интересами, мотивами, суждениями и оценками. Каждый вступающий в публичный диалог с целью выработки согласованного мнения обращается к характерным для социального института коммуникативным стратегиям (см.: [Siedmen, 1989]), то есть преднамеренным, продуманным комплексам действий, правил и средств, направленным на достижение цели, соответствующей задачам публичного диалога и замыслу автора. Понятно, что в публичной сфере востребованы различные стратегии – информирования, констатирования, просвещения, объяснения, аргументирования, оценочного комментирования, убеждения, акцентирования, смысловой конверсии, переформулирования, провокации, социокультурной интеграции, равенства, превосходства, агрессии, манипулирования, приказа, поучения, обличения, развлечения и др. (см., например: [Бакулев, 2005; Хазагеров, 2006]), – поскольку субъекты публичной сферы преследуют не всегда совпадающие цели и не всегда руководствуются одними и теми же нормами и критериями истины и морали. Используемые стратегии обнаруживают особенности сознания, ментальности и идеологии коммуникативных субъектов.

Таким образом формируются дискурсы социальных институтов, или институциональные дискурсы (научный, педагогический, религиозный, художественно-эстетический, юридический, политический, массмедийный и т.п.), объективирующие в совокупности порождаемых и транслируемых ими текстов (упорядоченных знаковых совокупностях) определенный тип сознания (научное, педагогическое, мистическое, художественное, правовое, политическое, общественное, массовое), обозначенный или обобщенный в социальной цели (целях) института и, соответственно, в корневом (опорном, базовом, ключевом) концепте (концептах), или, по определению В.З. Демьянкова, топике дискурса. Так, например, к корневым концептам политического дискурса обычно относят концепты «власть» и «политик» [Карасик, 2004, с. 283]. Корневыми концептами дискурса, продуцируемого масс-медиа (в современной науке для этого типа дискурса используются недифференцированно разные наименования – медиадискурс или медийный дискурс, мас-

смедийный дискурс, газетный дискурс, публицистический дискурс, массово-информационный дискурс, журналистский дискурс и др.), являются «новость», «факт» или «информация», а также «социальное благо», содержательная разработка которого, замечу, зависит от особенностей общественного сознания. По словам председателя Союза журналистов России В.Л. Богданова, в современных масс-медиа сегодня много людей, «которые считают, что долг журналиста не в том, чтобы информировать общество, и тем более не в том, чтобы пропагандировать, агитировать, воспитывать, а в том, чтобы общество развлекать, освобождать от проблем. Необязательно писать правду, говорят они, главное – чтобы вышла газета, которую вы прочтете, а что там написано – правда, неправда, не суть важно» [Власть..., 1998, т. 1, с. 10].

В качестве оппозиции публичной сфере выступает, как известно, сфера индивидуально-личного (дом, круг друзей), которая обеспечивает процесс обретения личностью уникальных свойств, формирует личностную самобытность, автономию, логику которой неприводима полностью в логику публичного. Сфера индивидуально-личного связана с процессом «социального разоблачения» личности, ее интеллектуально-эмоциональной эмансипации от социально-ролевого прессинга [Кон, 1984]. «Нужно добросовестно играть свою роль, – писал еще М. Монтень, – но при этом не забывать, что это всего-навсего роль, которую нам поручили. Маску и внешний облик нельзя делать сущностью, чужое – своим. Мы не умеем отличать рубашку от кожи. Достаточно посыпать мукою лицо, не посыпая ею одновременно и сердце... Господин мэри и Мишель Монтень никогда не были одним и тем же лицом, и между ними всегда пролегал отчетливо обозначенная граница» [Монтень, 1960, с. 291].

Сфера индивидуально-личного формирует «личностно-ориентированный» дискурс [Карасик 2004], объективирующий проявления самобытного, личностного сознания, специфика которого заключается, в частности, «в пристрастности», «в избирательности внимания, в эмоциональной окрашенности представлений, в зависимости познавательных процессов от потребностей и влечений» [Леонтьев, 1975]. В качестве корневого концепта личностно-ориентированного дискурса выступает концепт «я» (внутренний мир личности, средоточие ума и сердца), который реализуется, в частности, в разговорной и поэтической речи (см.: [Красных, 2003; Карасик 2004, с. 289 – 291; Чумак-Жунь, 2009]).

Сфера индивидуально-личного создает необходимые условия не только для формирования духовной самобытности личности, но и для мировоззренческой, идеологической, духовно-нравственной и эстетико-стилистической плюрализации общества.

Сфера публичного и сфера индивидуально-личного, разумеется, не существуют в непроницаемой изоляции друг от друга. Обе сферы находятся в состоянии активного диалога, тем не менее каждая из них формирует свой, типологически делимый корпус устойчивых коммуникативно-речевых практик, объективирующих совокупность социально-культурных и психологических параметров взаимодействующих в информационно-смысловом обмене

субъектов: диапазон и характер социальных ролей, мировоззрение (характер знаний и опыта, аксиологический комплекс), характер рефлексивной организации и эмоционально-волевой регуляции, канал эмпатии (рациональный, интуитивный, эмоциональный), мотивы и цели, тип рациональности, когнитивные стратегии, то есть стратегии производства смысла (по схемам формальной логики, необоснованного логического «обрыва», здравого смысла, интуиции, веры), коммуникативно-прагматические стратегии, типологию спроса на смысл, семантическую сфокусированность или рассеянность, принципы смысловой коллокации, допустимость смысловой конверсии, ритуально-этикетные формы и пр.

Все это формирует особое, интеллектуально-прагматическое пространство, объективирующее в совокупности продуцируемых текстов с учетом исторической перспективы, с учетом, «суммы историй отдельных феноменов социального бытия» [Мечковская, 2009, с. 14], а также социальной и культурной традиции тот или иной тип сознания – в его отрефлексированной и обработанной форме (системе идей и идеологии) и неотрефлектированной (ментальности, мифологии). Процесс и результат объективации сознания (совокупности знаний об окружающем мире и суждений о нем, обнаруживающих сформированное на основе опыта, убежденности или веры оценочное отношение к содержанию объективируемой им мысли) и должен, по всей видимости, осмысляться как дискурс, ведь дискурс (от лат. *discursus* “бегание туда-сюда”, “движение”, “круговорот”) – это и есть социально обусловленный процесс и результат «движения» объективируемой в знаках различной природы мысли.

Спецификация же дискурса определяется востребованным в нем и объективируемым в совокупности текстов типом сознания, то есть характером, особенностями «движущейся мысли». Как, например, осмысляя особенности деятельности ученого и художника, писал Д.С. Лихачев: «Ученый хотя и может исследовать объект с нескольких точек зрения и также применить несколько объяснений, которые, как мы уже говорили, в одинаковой степени могут быть верными, тем не менее связан с фактами внешнего мира теснее, чем художник» [Лихачев, 1996].

От типа сознания зависит как свобода выбора объекта познания, так и характер этого познания. Следовательно, каждый дискурс создает свою картину мира, свой «мысленный мир», представляющий собой динамическую и упорядоченную совокупность знаний об охватываемой дискурсивной мыслью действительности, свой алгоритм сочленения востребованных смыслов и способов их объективации, свой набор дискурсивных формул, то есть характерных слов, фразем, речевых оборотов и клише (например, в религиозно-православном дискурсе такими формулами, отражающими его специфику, являются *спасение, гордость, терпение, искушение, грех* и др.).

В социальном мире, по словам Юрия Шрейдера, действуют категории, которых нет в природе, – категории добра и зла, красоты и уродства, истины и лжи [Шрейдер, 1989, с. 245]. Дискурс чувствителен к такому атрибуту, как истина. Каждый тип дискурса отличается своей эпистемологией, своей «во-

лей к истине» [Фуко, 1996], своим способом ее обретения и «своими правилами истинности» [Степанов, 1995, с. 43].

Как известно, истина, по своей сути, это социальный регулятив [Гадамер, 1991; Стросон, 1998; Хайдеггер, 1986], реализующийся в процедурах поиска согласованных суждений. Д.С. Лихачев, рассматривая специфику научного и литературного текста, задавался вопросом: «Где проходит граница вполне объективной истины и возможна ли она вообще в научном исследовании и в тех результатах научных исследований, в которые неизбежно примешивается доля личности творца, читателя, дух эпохи, включая для читателя тот “литературный опыт”, который накопился за время, отделяющее произведение как несомненную достоверную единицу литературы в целом от читателя. Несомненно, что эта граница подвижна. Ее положение, более близкое к предмету изучения и более отдаленное, зависит от той суммы фактов, которой исследователь обладает, которую он накопил. Эти факты разнородны: и об эпохе автора, и о самом авторе, и об истории создания произведения» [Лихачев, 1996].

Каждый тип дискурса, как известно, реализуется в совокупности определенных жанров [Силантьев, 2004; Swales, 1990], то есть в типовых моделях когнитивной и коммуникативной практики, которые предполагают «актуализацию всех процессов, связанных с порождением, организацией, переработкой, хранением, трансформацией и передачей сообщений» [Алефиренко, 2007, с. 46]. Жанр – это не только особая, сформировавшаяся в культуре устойчивая практика «движения мысли», направленной на объект в процессе взаимодействия с ним личности («волевая деятельность идеи», по словам В.Ф. Гегеля), и упорядоченный способ взаимодействия с адресатом в процессе передачи обретенных смыслов, но это и содержательная, культурная форма, которая воспроизводит определенный тип сознания. Как говорил М.М. Бахтин, «каждый жанр... есть сложная система средств и способов понимающего овладения действительностью» [Медведев, 1993, с. 149, 150], «в жанрах... на протяжении веков их жизни накаплиются формы видения и осмысления определенных сторон мира» [Бахтин, 1979, с. 332].

Таким образом, общество с целью эффективного функционирования всех своих систем (стихийно и намеренно) организует свое коммуникативное пространство, генерируя в нем на основе корневых концептов определенные дискурсы как социально регулируемые интеллектуально-прагматические (когнитивно-суггестивные) образования, в которых в совокупности текстов объективируется определенный тип сознания.

Дискурс – это социально упорядоченная, регламентированная практика (процесс и результат) объективации в совокупности характерных, жанрово специфицированных текстов определенного типа сознания, отражающего особую логику познания выделенного мыслью фрагмента действительности и способа говорения о ней.

Дискурс – это отложившийся и закрепившийся в знаковой системе способ видения и переживания мира, способ упорядочения социальной действительности, реализуемый в разнообразных социальных практиках.

В заключение, хочу подчеркнуть, что дискуссию о ключевых особенностях дискурса считать исчерпанной, конечно, преждевременно. Многочисленные исследования показывают, что важнейшей задачей на данном этапе является, говоря словами Д.С. Лихачева, «наметить пути изучения, а не закрыть их для движения ученой мысли».

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 392 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Речевой жанр, дискурс, культура // Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. – Вып. 5. – Жанр и культура. – С. 44 – 55.
3. Анкин В.Б. С чего может начинаться семиотика философии // Особенности философского дискурса: Тезисы межвузовской научной конференции (университет Российской Академии образования, г. Москва, 5-7 февраля 1998 г.) // http://www.philosophy.ru/library/konf/all_tez_fevr.html
4. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136 – 137;
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
6. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: западные теории. – М., 2005. – 176 с.
7. Власть, зеркало или служанка? Энциклопедия жизни современной российской журналистики. – В 2-х т. – М.: Союз журналистов России, 1998.
8. Гадамер Х.Г. Что есть истина? // Логос. Философско-литературный журнал. – Вып. 1. – М., 1991. – С. 30 – 37.
9. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.
10. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: «Прогресс», 1989. – 312 с.
11. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. В.Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34 – 55.
12. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 392 с.
13. Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка. – Тамбов: ТГУ, 2005. – С. 337 – 353.
14. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126 – 139.
15. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. – М.: МГУ, 2008. – 244 с.
16. Кожемякин Е.А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры. – Белгород: БелГУ, 2008. – 244 с.
17. Кон И.С. В Поисках себя: личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
18. Красных В.В. Концепт «я» в свете лингвокультурологии // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М., МАКС Пресс, 2003. – Вып. 23. – С. 4 – 14.
19. Кубрякова Е.С. Слово в дискурсе (новые подходы к его анализу) // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. научных трудов / Под ред. Л.А. Манерко. – Рязань, 2002. – С. 7 – 11.
20. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
21. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб., 1996. – С. 9 – 35.
22. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 278 с.

23. Мамардашвили М.К. Проблема сознания и философское призвание // Вопросы философии. – 1988. – № 8. – С. 37 – 47.
24. Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. (Бахтин под маской. Маска вторая.) – М.: Лабиринт, 1993. – 206 с.
25. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: От клинописи до Интернета. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 584 с.
26. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М., 1990.
27. Мисонжников Б.Я. «Прозрачные грани» эстетизиса: от познания к речению // Семіосфера: в лабиринті знаків і образів: Сб. научн., публицист. і художеств. произведень / Отв. ред. Б.Я. Мисонжников. – СПб: ИНТАН, 2009. – С. 3 – 13.
28. Монтень М. Опыты. – М.-Л.: АН СССР, 1960. – Кн. 3. – 399 с.
29. Пеше М. Прописные истины (Дискурс и идеология) // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – М., 2002.
30. Полонский А.В. Лингвистический анализ текста – Белгород: БелГУ, 2007. – 103 с.
31. Приходько А.Н. Когнитивно-коммуникативная типология дискурсов // Вісник Київського національного лінгвістичного університету Збірник наукових праць. – 2009. – Вип. 1.
32. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 222 с.
33. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. – М., 1998. – Вып. 36. – С. 274 – 323.
34. Ревзина О.Г. Язык и дискурс // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 1. – С. 25 – 34.
35. Русакова О.Ф. Лингвистические и кратологические трактовки дискурса // Без темы. – 2006. – №2 (2). – С. 59 – 65.
36. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. – С. 337 – 384.
37. Силантьев И.В. Текст в системе дискурсных взаимодействий // Критика и семиотика. – 2004. – Вып. 7. – С. 98 – 123.
38. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35 – 73.
39. Стросон П. Значение и истина // Аналитическая философия: Становление и развитие. – М., 1998. – С. 213 – 230.
40. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2004. – 336 с.
41. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., 1996. – 448 с.
42. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: Пер. с нем. / Под ред. Д. В. Складнева. – СПб.: Наука, 2000. – 379 с.
43. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Историко-философский ежегодник. 1986. – М.: Наука, 1986. – С. 255 – 275.
44. Хазагеров Г.Г. Партия, власть и риторика. – М., 2006. – 48 с.
45. Чуешов В.И. О риторических границах идеологического дискурса // Коммуникация и образование: Сборник статей / Под ред. С.И. Дудника. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 247 – 265.
46. Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. – Белгород: БелГУ, 2009. – 244 с.
47. Шрейдер Ю. Сознание и его имитация // Новый мир. – 1989. – № 11. – С. 244 – 255.
48. Korzyk K. Język i gramatyka w perspektywie "komunikatywizmu" // Gramatyka komunikacyjna / Pod red. A. Awdiejewa. – Warszawa-Kraków, 1999. – S. 9 – 32.
49. Lasswell H. Propaganda, communication and public order (with Smith B. L., Casey R. D.). Princeton, 1946.

50. Lasswell H.D. Power and personality. Westport (Conn.): Greenwood, 1948. - 262 p.
51. Niemeier S., Campbell C.P., Dirven R. The Cultural Context in Business Communication. – Amsterdam / Philadelphia, 1998. – 269 p.
52. Potter J. & Wetherell M. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour. London: Sage, 1987.
53. Siedmen St. Jurgen Habermas on Society and Politics / Ed. by St. Siedmen. – NY: Beacon Press, 1989.
54. Swales J. Genre analysis: English in academic and research settings. – Cambridge, Cambridge University Press, 1990.
55. The Language of Emotions: Conceptualization, expression, and theoretical foundation / Ed. by S. Niemeier, R. Dirven. – 1997. – 337 p.

А.В. Полонский, В.Г. Глушкова

ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЯНИНА

Российское общество последнее десятилетие находится в состоянии напряженной разработки своих мировоззренческих и духовно-нравственных принципов, идеологической и культурно-стилистической рефлексии, включающей в том числе рационализацию собственных духовных традиций делового общения и освоение европейского опыта разработки идей делового прагматизма и этики бизнеса, центральным принципом которой является нацеленность на плодотворное сотрудничество на основе методологии плюрализма и взаимоуважения. Феномен делового общения можно определить как ресурсообразующее взаимодействие, в основе которого лежит культурно обусловленный, контекстуально чувствительный и прагматически ориентированный обмен информацией. Каждая культура на разных этапах своего бытия вырабатывает собственные каноны (совокупности принятых норм, правил и ценностей) этого взаимодействия, определяя как жесткость речеповеденческих стандартов, так и степень их эластичности. Неудивительно поэтому, что «в различных обществах и социальных группах люди говорят по-разному, причем не только с точки зрения лексики и грамматики» (Вежбицкая 2001: 159).

В российском обществе благодаря осмыслению собственного опыта, нравственно-эстетическим поискам, фундаментом которых является этническая традиция и православная культура, благодаря усвоению европейских уроков прагматической и лично ориентированной философии человека сформировалась культурно-коммуникативная среда принципиально нового типа, репрезентирующая свои этико-эстетические нормы и коммуникативно-речевые навыки в сфере деловой коммуникации (Колтунова 2000; Глушкова 2008; Денисова 2008; Рисинзон 2010).

Со всеми на то основаниями мы могли бы предположить, что ключевой особенностью этой культурно-коммуникативной среды, сформировавшейся в условиях стремления России к подлинно демократическому обществу, соци-